

Наука и власть

**АКАДЕМИЯ НАУК
В ТУРБУЛЕНТНОМ ПОЛЕ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г.¹**

Э.И. Колчинский
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники РАН

Аннотация: *Революция 1917 г. заставила Академию наук искать способы для сохранения статуса «первенствующего научного сословия». Независимо от политических убеждений и профессиональных интересов академики следовали стратегии сотрудничества с меняющейся властью и старалась реализовать давние планы по институционализации науки. Сотрудничество с Временным правительством позволило Академии наук добиться большей автономии и принять планы реформирования науки и высшего образования России, а также увеличить финансирование исследований. После краткой конфронтации с Советским правительством лидеры РАН вступили в диалог и с большевиками ради спасения фундаментальной науки и ученых и обеспечения деятельности Академии наук. Это вело к дифференциации академического корпуса, сокращению числа академиков, участвовавших в ее деятельности и заседаниях Общего собрания. Опыт выживания академической науки в 1917 г. должен быть учтен в свете современных реформ фундаментальной науки в России.*

Ключевые слова: *Академия наук, революция, власть, устав, КЕПС, реформы, автономия, институционализация, кризис.*

Введение

Императорская академия наук (ИАН) встретила 1917 г. в статусе «первенствующего научного сообщества», тесно связанного с двором, различными правительственными ведомствами, вузами, научными организациями и обществами. От нее ученые России ждали ответа на вызовы революционного времени для утверждения роли науки в развитии страны.

Накануне революции в ИАН был представлен широкий спектр политических взглядов: от крайне правых до либералов центра. Это приучило искать компромиссы ради корпоративных целей. Все академики были настроены патриотично и активно участвовали в мобилизации науки на военные нужды, особенно в рамках Комиссии по изучению производительных сил России (КЕПС). В то же время многие из них считали, что власть запоздала с модернизацией страны, не прислушалась к их рекомендациям, что предопределило военные неудачи. Им были близки слова о неразрывности науки и демократии, а послевоенное устройство гре-

¹ Работа выполнена по гранту РФФИ № 18-011-007-30.

зилось как союз европейских стран в условиях всеобщего разоружения и высоких этических норм. Никто не сомневался в том, что будущее России зависит от использования научных знаний, рассматривая себя в качестве экспертов послевоенных реформ.

Положение Академии наук в обществе и государстве в 1917 г., на первый взгляд, существенно не менялось. Она, по-прежнему, считалась «первенствующим научным сообществом» страны. Сами академики ощущали себя гражданами единого «Интернационала» учёных, ответственных за судьбы всего человечества и за модернизацию России. Правда, Академии пришлось дважды менять название: до 4 марта 1917 г. она именовалась Императорской, затем — просто Академией наук, а с 11 июля — Российской. Но переименования, казалось, носили мимикрический характер, мало отражаясь на её целях, задачах, сфере действия и притязаниях академиков. Важнее казались внутренние перемены, зафиксированные в реформированном Уставе Академии наук, а также складывающиеся взаимоотношения с правительством и его ведомствами, с политическими партиями, общественно-экономическими и интеллектуальными объединениями, с другими научными учреждениями и обществами страны, с высшими учебными заведениями, а также с региональными властями, промышленниками, военными и т. д. Многие из прежних партнеров РАН ушли в прошлое к концу 1917 г. Это сказывалось на общем этосе академической корпорации, самоидентификации её членов и на поведении их лидеров.

При обсуждении реакции академиков на события 1917 г. обычно фиксировали различия в восприятии ими Февральской и Октябрьской революций, без учёта эволюции установок и поведения как руководителей Академии, так и остальных её членов, а также специфики их реакций в зависимости от убеждений и профессиональных интересов того или иного учёного [Басаргина 2008: 509–515; Соболев 2012: 109–112], политические симпатии которых колебались от крайне правых до революционных демократов.

Прежние исследования на эту тему не отразили противоречивость поведения академического сословия, лидеры которого стремились реализовать вынашиваемые десятилетиями планы масштабной институционализации фундаментальной науки в крайне неблагоприятной социально-культурной среде [Есаков 1994; Колчинский 2003; Kolchinsky 2016].

Цель статьи — показать, как шли изменения во взаимодействии науки и власти и как они преломлялись сквозь призму академических интересов, социальных сетей и системы личностных и профессиональных, институциональных и коммуникативных связей с другими научными учреждениями. Важно также проследить влияние событий Февраля и Октября на состав академического корпуса и его этос, а также на установки и ценности отдельных учёных. Интересно также выяснить пути и степень реализации академическим сообществом своих целей, задач и планов в 1917 г.

Восприятие Февральской революции 1917 г.

1917 г. Императорская академия наук (ИАН) встретила в статусе главного научного учреждения страны, тесно связанного со Двором, различными правительственными ведомствами, высшими учебными заведениями, научными организациями и обществами, музеями, журналами, библиотеками. Англия и Франция считали Академию представителем российской науки и через неё стремились укреплять сотрудничество между учёными Антанты. В годы Первой мировой войны академики входили в разного рода комиссии, комитеты и особые совещания, которые были созданы для координации усилий научных учреждений и высшего образования, направленных на мобилизацию науки, охрану культурных ценностей, создание самодостаточной национальной науки. Нередко они оказывались на высших должностях в правительственных ведомствах, Государственном совете, Всероссийских земских и

городских собраниях, военно-экономических комитетах и т. д. Некоторые академики (Б.Б. Голицын, В.Н. Ипатьев, А.Н. Крылов, Н.С. Курнаков, М.А. Рыкачев) зарекомендовали себя умелыми организаторами и руководителями военной промышленности. Свой вклад в информационную войну вносили академики-гуманитарии М.А. Дьяконов, А.С. Лаппо-Данилевский, М.И. Ростовцев, А.А. Шахматов и др.

Несмотря на финансовые трудности военного времени, интенсивно шла институционализация академической науки, проявившаяся ярче всего в создании и деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), учрежденной в 1915 г. по инициативе А.С. Фаминцына и В.И. Вернадского. К началу 1917 г. в ней числились 128 членов и более 250 человек входили в её различные подкомиссии, интегрируя усилия десятков правительственных ведомств, научных обществ, ученых учреждений, высших учебных заведений и т. д. В 1916 г. начали работать Постоянная полярная комиссия и Комиссия по изучению озера Байкал, а также Высочайше учрежденная междуведомственная комиссия по выработке мер к сохранению Кавказского зубра. В начале 1917 г. к ним присоединились Комиссия по исследованию племенного состава (КИПС) населения областей, прилегающих к границам России [Отчёт о деятельности... 1917: 311–316] и Палестинский комитет [Протоколы... б/г: 70, 74–76]. На февраль 1917 г. в структуру ИАН входило 18 учреждений и 23 комиссии. В ней состояли 39 действительных членов, избранных в основном после революции 1905–1907 гг. и тяготевших к либерализму. В целом политические взгляды академиков размещались в диапазоне от крайне правых до левых кадетов. В дни Февральской революции непреходящий секретарь С.Ф. Ольденбург фактически был единственным полноправным руководителем ИАН, утвержденным на этом посту Николаем II, и от его умения воздействовать на «первенствующее ученое сословие России» во многом зависел конечный результат в поисках консолидированных решений даже при существенных разногласиях. Умение находить компромисс внутри самого академического корпуса и со сменяющимися властями стало характерной чертой в корпоративном поведении академиков в 1917 г.

Этому способствовало то, что несмотря на разногласия в политических взглядах, все они были государственниками и патриотами, не сомневались в праведных целях России во время войны, готовились дать научное обоснование ее притязаниям в послевоенном устройстве мира и активно участвовали в мобилизации науки для снабжения армии и флота необходимым вооружением, техническими средствами связи и защиты, продовольствием и медикаментами, а также для ликвидации сырьевой зависимости оборонной промышленности от импорта. Хотя ИАН и была лишена возможности избирать себе руководство, но, в отличие от профессуры столичного университета, находившейся в перманентном конфликте с Министерством народного просвещения, добиваясь расширения автономии и самоуправления [Ростовцев 2017: 525–663], академический корпус в целом был удовлетворен своим положением и считал себя неотъемлемой частью Российской империи, действуя всегда по указам императора и под управлением ближайших к нему лиц, а порой и членов императорской семьи. До 2 июня 1915 г. Президентом ИАН был великий князь Константин Константинович.

В литературе доминирует мнение, что академические круги с ликованием встретили весть об отречении Николая II. На самом деле всё было далеко не так. Дневники и письма тех дней свидетельствуют о другом. Многие учёные, в том числе подавляющее большинство академиков, с тревогой наблюдали за волнениями, охватившими Петроград в конце февраля 1917 г. Они понимали, сколь губительны антиправительственные выступления во время войны, а некоторые к тому же расценивали их как правительственную провокацию для оправдания последующих «репрессалий» против интеллигенции [Ломоносов 1921: 18]. Многие задавались вопросом о том, что это сулит России: «<...> начало возрождения или гибели?» [Князев 1991: 132]. Так писал в дневнике будущий директор академического архива Г.А. Князев.

Нобелевский лауреат И.П. Павлов, по воспоминаниям его гражданской жены М.К. Петровой, смотрел «на всё в высшей степени пессимистически» и «предвидел впереди много горя и страданий» [Петрова 2004: 529]. Аналогичные чувства испытывал один из наиболее авторитетных академиков, президент Русского ботанического общества И.П. Бородин: «Время очень тревожное... Что будет? Поживем — увидим, но на душе не весело» [Манойленко 2005: 181]. В некрологе старейшего зоолога В.В. Заленского, имевшего с 1905 г. репутацию демократа и либерала, сказано, что он уже на момент Февраля видел «в незначительных еще тогда признаках будущей развал и несчастье» [Академик... 1918].

Другие, напротив, были причастны к ключевым событиям Февральской революции. С.Ф. Ольденбурга и В.И. Вернадского называют среди членов Государственного совета, подписавших 27 февраля 1917 г. телеграмму М.Т. Родзянко Николаю II с предложением отречься от престола [Аксенов 16: 205]. В конечном счете почти все члены Академии в произошедшей после февраля дифференциации политических сил оказались на стороне тех, кого А.И. Деникин причислял к «либерально-охранительному» направлению, пытавшемуся сохранить государство и довести войну до победного конца [Деникин 1991: 99].

3 марта 1917 г. Академия приступила к исполнению первого поступившего к ней распоряжения новой власти, подписанного министром юстиции А.Ф. Керенским и предписывавшего академику Н.А. Котляревскому «вывезти из Департамента полиции все бумаги и документы, какие он сочтет нужным, доставить и поместить их в Академию наук» [Летопись... 2007: 295]. Вскоре министр-председатель и министр внутренних дел Г.Е. Львова предложил Академии: «Принять на вечное хранение Архив бывшего III Отделения Собственной Его Величества канцелярии и Архив Департамента полиции по 1905 г. включительно; 2) озаботиться приведением этих архивов в порядок и 3) открытием их в возможно близком будущем для общего пользования на условиях, какие Академии наук покажутся целесообразными» [Протоколы... б/г: 92]. Передача подобного рода документов, особенно присовокупленных к ним бумаг Архива Охранного отделения и Жандармского губернского управления, занимавшихся политическим сыском, — несомненно, подтверждение доверия Г.Е. Львова и лично к С.Ф. Ольденбургу, с которым они тесно сотрудничали еще с 1904 г. в нелегальном «Союзе освобождения», и к Академии наук в целом. Ведь бумаги легко могли быть использованы для дискредитации противников в разгоравшейся политической борьбе. Понимало значение этого акта и Общее собрание Академии наук, не забыв испросить у правительства первоначально 1 000 рублей «на расходы по перевозке и размещению дел Архивов в новом помещении», которое было выделено в новом здании Библиотеки РАН, а позднее — дополнительные ежегодные субсидии в размере 25 500 рублей [Там же]. Конечно, тогда никто не мог предположить, что через 12 лет в вину Академии наук будет постановлено профессиональное исполнение долга нейтрального хранителя исторической памяти о грандиозных событиях в истории России, и наличие в ее библиотеке документальных свидетельств о них станет поводом для организации «Академического дела» [Летопись 2007: 685–695].

В научном сообществе первыми на смену власти отреагировали члены Совета Петроградского университета, в который входили и многие члены ИАН — Н.А. Марр, В.А. Стеклов, А.А. Шахматов и др. 3 марта Совет единогласно принял заявление о том, что предоставляет себя в распоряжение «Временного правительства, опирающегося на полную поддержку народа и армии, чьими героическими усилиями навсегда опрокинут старый порядок», и приложит «все свои силы, дабы способствовать прочному насаждению нового порядка» [Ростовцев 2017: 726–727]. Два дня спустя с аналогичным заявлением выступил Совет Московского университета. А накануне, 4 марта, примерно в тех же самых выражениях было составлено приветствие врио вице-президента А.П. Карпинского и С.Ф. Ольденбурга новым властям, в котором их заверяли в готовности Академии предоставить «правительству, пользующемуся

доверием народа, те знания и средства, какими она может служить России» [Извлечение... 1917: 739–747]. Судя по прессе, обращение было составлено на Общем собрании Академии, состоявшемся в тот же день [Хроника... 1917: 6], но оно почему-то не отражено в протоколе его заседания [Протоколы... б/г: 68–73]. Не сохранилось никаких свидетельств о его обсуждении и принятии. Одобрение действий руководства Академии наук появилось лишь в протоколе следующего экстраординарного собрания, состоявшегося спустя три недели, точнее 24 марта 1917 г. [Там же: 92]. Тогда же без всякого обсуждения были приняты к сведению и указы Временного правительства от 3 марта об отречении Николая II и об отказе великого князя Михаила Александровича взять на себя верховную власть вплоть до решения Учредительного собрания о будущем образе правления.

Академики, собравшиеся в первый день новой власти, явно не желали официально обсуждать «свершившиеся события», так как в их рядах высказывались прямо противоположные оценки этих событий. Так, например, лингвист и палеограф А.И. Соболевский, бывший товарищ председателя Союза русского народа и только что назначенный императором член Государственного совета, тяжело переживал происходящие события и, как многие его коллеги, редко появлялся на Общих собраниях после Февраля 1917 г. Да и на последующих собраниях с кворумом было весьма напряженно. Нередко более половины академиков предпочитали оставаться по домам в дни заседаний. На уже упомянутом заседании 4 марта 1917 г. присутствовали 22 из 39 академиков. Проходило оно так, как будто ничего особого не произошло: только из названия Академии наук в протоколах исчезло слово «Императорская». В отличие от университетских коллег академики в первые дни новой власти были осмотрительны и воздерживались от политических заявлений, сконцентрировавшись на обсуждении рутинных вопросов: это утверждение «Проекта положения о Палестинском Комитете», избрание представителей ИАН в Особое совещание о культурном сближении России с дружественными странами, дарение Пушкинскому Дому, состав Комиссии по изучению племенного состава пограничных областей, выдача академических изданий и т. д. [Там же: 68–73]. Академики, хотя и перестали именовать Академию наук Императорской, понимали, что ситуация остается неопределенной, что прорывалось в некоторых формулировках принимаемых решений, например, в постановлении на обращение товарища министра народного просвещения, члена-корреспондента ИАН В.Т. Шевякова как председателя Особого совещания о культурном сближении России с дружественными странами выделить в его состав представителей Академии наук [Там же: 69]. Для многих академиков была очевидной нелегитимность Временного правительства, взявшего на себя одновременно функции законодательной и исполнительной власти, заменив императора, Госсовет, Госдуму и подчинив Сенат и Синод во имя свободного народа. А что интеллигенции ждать от народа, освобожденного от страха перед властью, академики узнали еще в 1905 г.

Буквально на следующий день, 5 марта, И.П. Бородин писал дочери в Париж: «Мог ли я подумать, что доживу до падения монархии у нас, да еще такого позорного» [Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 125. Оп. 1. Д. 65. Лл. 20 об.–21]. А ведь Бородин не был убежденным монархистом. Его прогнозы были крайне осторожными и довольно пессимистическими: «Если всё кончится теперь и временно установившемуся правительству удастся удержаться, то, разумеется, это будет величайшая из революций, стоившая сравнительно очень мало крови... Стойких защитников у монарха не оказалось нигде. ... Но что будет дальше? Надо быть большим оптимистом, чтобы смотреть в глаза даже ближайшему будущему. Теперь каждый день стоит года». Не проходило чувство сохранявшейся опасности: «Крайние левые. Особенно с.-д. могут испортить всё. Соглашение держится с ними на волоске». В обстановке всеобщего воодушевления, царящего в Петрограде в мартовские дни, Бородин, наблюдая за толпами манифестантов в городе, с некоторой национальной уязвленно-

стью и горечью констатировал: «Весь Николаевский мост запружен процессиями с красными флагами, всюду Марсельеза (своего гимна свободы у нас так и нет), но на душе не весело... Назревают, быть может, грозные события внутри страны» [Там же: 22]. И, как всегда, больше горьких дум о будущем страны, чем о разворачивавшейся на глазах трагедии: «Выдержит ли тяжкое испытание здравый смысл русского народа» [Там же].

Планы реорганизации науки и образования

Ученые, убедившись во всенародной поддержке нового правительства, были склонны с максимальной эффективностью использовать складывавшуюся ситуацию, полагаясь на тесную связь со многими министрами, и сконцентрировали свои усилия на решении, прежде всего, корпоративных задач реформы и развития науки и образования в стране. Осознавая хрупкость соглашения с левыми радикалами, академики успокаивали себя иллюзиями, что «теперь нельзя бояться такой демократии, которая бы позабыла вечно царственную роль науки в человеческой жизни» [Павлов 1951: 10]. Так 6 апреля писал И.П. Павлов, именуя уже царский режим «мрачным, гнетущим временем». Как бы отгоняя нехорошие предчувствия, Павлов целый абзац символично посвящен А.Л. Лавуазье и «великому греху» Великой французской революции, не давшей ему отсрочки от казни для завершения важных химических опытов, так как «республика не нуждается в учёных и их опытах» [Там же: 11].

Многие полагали, что Февральская революция снимает всяческие препятствия к развитию научных связей с союзниками. Ученые с энтузиазмом восприняли оценку перспектив англо-русских отношений, данную английским послом Дж. Бьюкененом в марте 1917 г. По его мнению, никогда эти отношения не были столь сердечными и крепкими, как после прихода к власти либеральных сил. Непременный секретарь Комитета по укреплению духовных связей между союзными странами Артур Мэкьюари, информируя С.Ф. Ольденбурга 17 и 19 апреля 1917 г. о деятельности Комитета в Лондонском королевском обществе по литературе, выразил «**надежды на взаимную поддержку в дальнейшем**» [Протоколы... б/г: 221].

Большую заинтересованность в научном сотрудничестве с Россией проявили также Франция и США, объявившие 24 марта 1917 г. войну Германии. Об этом говорилось в обращении государственного секретаря США, зачитанном на пятом экстраординарном Общем собрании АН, состоявшемся 29 марта 1917 г. В нем подчеркивалось, что вступление США в войну на стороне Антанты открывает перспективы для широкого сотрудничества ученых двух стран ради успеха общего дела, отмечалась особая роль созданного В. Вильсоном Национального исследовательского совета в мобилизации научных ресурсов для решения военных и промышленных проблем [Там же: 104]. Отметив вклад Академии наук в оборону, Общее собрание АН со своей стороны приветствовало вступление США в ряды союзников, но никаких конкретных организационных мер по укреплению научного сотрудничества с ними не стало предпринимать. Аналогичная реакция последовала и на обращения секретаря Смитсоновского института в Вашингтоне ботаника Ч. Уолкотта, и на адрес с приветствием России от «ученых и деятелей на поприще литературы, искусства и науки», зачитанным на экстраординарном Общем собрании РАН 9 августа 1917 г. [Там же: 235].

Правительственные органы Великобритании, США и Франции в 1917 г. еще не раз обращались к руководству РАН с призывами активизировать усилия по укреплению научных контактов, но ситуация не менялась. Возможно, это было связано с тем, что в то время в самой России рост антивоенных настроений сопровождался усилением негативного отношения к союзникам, заставлявшим Россию продолжать войну, цели которой были непонятны революционным массам. И не желая их раздражать, академики уклонялись от реальных проектов.

К тому же они в первую очередь старались решить свои внутренние проблемы, связанные с введением автономности и выборности президента и вице-президента, а также с отказом от обязательного присутствия академиков в Петрограде, с созданием сети исследовательских институтов и всероссийской ассоциации научных сотрудников, с устранением сословных, национальных и конфессиональных ограничений для образования и научной работы и т. д. Со многими членами Временного правительства, включая министра-председателя Г.Е. Львова, С.Ф. Ольденбург, В.И. Вернадский, А.А. Шахматов и другие академики-либералы сотрудничали долгие годы и решили воспользоваться этим для продвижения корпоративных интересов и реализации своих планов развития науки и образования. Это было достаточно легко, так как министром народного просвещения, которому подчинялась Академия наук, стал кадет А.А. Мануйлов, отрешенный в 1911 г. Л.А. Кассо от должности ректора Московского университета, убежденный сторонник университетской автономии и демократизации научных и образовательных учреждений.

С целью повышения автономности академии в Устав были предложены изменения, касающиеся выборности президента и вице-президента на пятилетний срок [Там же: 93, 96–99]. Избираемый президент отныне освобождался от обязанности отчитываться перед верховной властью о состоянии дел, проводимых исследованиях, экспедициях, итогах выборов, а предоставлял бы ей лишь те постановления Общего собрания, которые необходимы для указов и распоряжений правительства. Разногласия вызвал пункт о сроке полномочий. Большинство проголосовало за их ограничение пятью годами и за исключение ряда пунктов, по которым президент мог единолично решать вопросы без Общего собрания. Проект, напротив, предполагал расширение полномочий Общего собрания, отделений, учреждений и музеев АН, определял обязанности вице-президента и т. д.

При этом выяснилось, что академики ратовали за элитную демократию, не желая допускать остальных научных сотрудников и лаборантов на свои собрания, а тем более к решению общеакадемических вопросов. Однако остальные сотрудники РАН не желали, чтобы без них решались вопросы реорганизации академических учреждений, и избрали Комиссию по вопросу о разработке устава и штатов Академии. Руководители Комиссии (председатель физиолог Г.П. Зелёный, товарищ председателя востоковед В.М. Алексеев, секретарь геолог О.О. Баклунд) 14 марта 1917 г. выразили желание «участвовать во всех совещаниях Конференции», где будут обсуждаться эти вопросы [Там же: 115].

Такая демократия совсем не нужна была «либеральным» академикам, которые поручили Комиссии директоров, возглавляемой И.П. Бородиным, пригласить на ее заседание по одному представителю от служащих каждого учреждения. Такое заседание состоялось 14 мая 1917 г. На нем были выработаны положения о том, что лаборатории, музеи и библиотека управляются советами соответствующих учреждений, в которые входят все штатные научные сотрудники и академики по соответствующей специальности, а возглавляют советы директора [Там же: 215]. 15 мая 1917 г. Общее собрание утвердило принятое решение. Аналогичную позицию академики заняли при обсуждении положения об университетах, настаивая, чтобы доценты допускались в Советы университетов только с правом совещательного голоса, а студентов вообще привлекать только для решения вопросов о выделении им стипендий и пособий.

29 марта 2017 г. состоялось еще одно экстраординарное Общее собрание, на котором было решено ходатайствовать перед правительством о наименовании Академии «Российской академией наук» [Там же: 105]. 11 июля Временное правительство удовлетворило эту просьбу. Другие предложения были приняты еще раньше. В «Вестнике Временного правительства» от 27 мая 1917 г. были опубликованы в новой редакции параграфы Устава РАН, предусматривавшие демократизацию внутренней жизни, устранение сословных и национальных

привилегий. 15 мая 1917 г. у Академии наук появился первый единогласно избранный президент — А.П. Карпинский, утвержденный правительством 19 июля 1917 г. сроком на пять лет.

Из-за отсутствия кворума академиком не удалось провести полноценные выборы вице-президента: академик А.А. Марков не стал голосовать и покинул собрание. Здесь была какая-то интрига, связанная с тем, что математики хотели видеть на этом посту В.А. Стеклова, который, видимо, не устраивал остальных. Вместо выборов была произведена баллотировка кандидатов, и исполняющим обязанности вице-президента стал ботаник И.П. Бородин. В течение двух лет он был вице-президентом с приставкой врио и много сделал для спасения РАН [Манойленко 2005: 181–194].

«Свободные» академики интенсивно занялись пополнением своих рядов, и в течение двух с половиной месяцев были заполнены вакантные позиции ординарных академиков. Первым академиком, избранным после Февральской революции, стал биофизик П.П. Лазарев. За ним последовали филолог и археолог А.В. Никитский, историк М.И. Ростовцев, востоковед Я.И. Смирнов и экономист П.Б. Струве. Все они или были кадетами, или придерживались близким к ним взглядов. Судьба у них сложилась трагически. Смирнов умер от голода уже осенью 1918 г., а Никитский в конце 1921 г. Двое остальных умерли в эмиграции. Оставшийся в Советской России П.П. Лазарев стал первым академиком-естествоиспытателем, подвергнутым репрессиям за отказ голосовать за академиков-коммунистов. В 1931 г. он был арестован, сослан в Свердловск, а жена его покончила жизнь самоубийством.

По инициативе А.А. Шахматова и М. Горького, восстановленного в числе почетных академиков, учредили Дом-Музей памяти борцов за свободу. Включение М. Горького в состав Академии было не только восстановлением исторической справедливости по отношению к писателю, но, с учетом его критики правительства за политику продолжения войны, и хорошо продуманным политическим актом, способствовавшим укреплению связей академиков со всеми демократическими силами, за исключением крайне левых, для удержания завоеваний Февраля.

Реформы не ограничились Академией наук. Это был краткий период самых разнообразных проектов и попыток их реализации в целях демократизации науки и высшего образования. Особую активность проявляли С.Ф. Ольденбург, В.И. Вернадский, А.А. Шахматов, избранные 25 мая в ЦК партии кадетов. А.А. Шахматов составил проект Союза научных учреждений, согласно которому все научные учреждения страны (музеи, общества, институты) и ученые должны быть объединены в союзы гуманитарных, естественнонаучных, научно-прикладных и т. д. исследований [Бастракова 1973: 99–108], которые, в свою очередь, образуют «союз союзов» во главе с Комитетом и председателем, имеющим право обращаться в Совет министров. Сам Союз не мог контролировать входящие в него организации, а занимался лишь обеспечением государственного финансирования их исследований. Реформу предполагали вести на основе и с сохранением существовавших институтов.

В конце марта 1917 г. под председательством Э.Д. Гримма состоялось учредительное собрание Союза деятелей высшей школы Петрограда, а в апреле под председательством А.П. Карпинского начало функционировать Совещание представителей научных учреждений и вузов Петрограда.

По инициативе членов РАН Н.И. Андрусова, И.П. Бородина, В.И. Вернадского, А.Н. Крылова, П.П. Лазарева, А.А. Маркова, И.П. Павлова, В.А. Стеклова, К.А. Тимирязева, А.С. Фаминцына в Петрограде с 28 марта по 26 мая 1917 г. прошло несколько собраний Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук. На них, помимо ученых, выступили министры Временного правительства и представители Петроградского и Московского советов рабочих и солдатских депутатов. Задуманное, прежде всего, как ассоциация точных наук, новое объединение учёных предполагало создать Институт положи-

тельных наук с хорошо оборудованными лабораториями, библиотеками, музеями, аудиториями. Планировалось привлечь к будущей научной работе талантливую молодежь, обеспечив их «надлежащим образом» материально. Но жизнь не дала возможность проверить реализуемость задуманного синтеза науки, внедрить её достижения в практику и образование. Создатели Ассоциации не зря подчеркивали, что задуманные планы могут осуществиться лишь в случае сохранения и укрепления демократии в России. Свержение Временного правительства и захват власти большевиками в октябре 1917 г. похоронили эти надежды. Некоторые из задуманных планов нашли воплощение в системах институтов уже в Советской России.

Масса идей об организации новых институтов возникала и у представителей гуманитарных наук. Инициатором многих из них был М. Горький и его близкое окружение. Составленное ими обращение о создании Общества «Дома-музея памяти борцов за свободу» как некоего института социальных наук и гражданского воспитания зачитал А.А. Шахматов на экстраординарном ОС АН, состоявшемся 29 марта 1917 г. В нём граждан свободной России призывали включиться в работу по созданию Общества Дома-музея памяти «погибшим борцам за свободу», который должен был раскрывать «великий смысл совершившегося переворота» [Приложение к протоколу V... 1917: 109–110]. Академики согласились участвовать в пропаганде целей и задач Февральской революции. В Совет учрежденного РАН Общества вошёл С.Ф. Ольденбург [Там же]. Оно просуществовало до сентября 1919 г., когда возобладали иные представления и о свободе, гражданственности и борцах за них.

При МНП были созданы Комиссия по ученым учреждениям и научным предприятиям во главе с В.И. Вернадским и Комиссия по реформе высших учебных заведений, возглавляемая М.М. Новиковым. В их работе участвовали академики В.В. Бартольд, Н.С. Курнаков, Н.Я. Марр, А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Ольденбург и М.И. Ростовцев. Комиссии занимались разработкой нового законодательства в управлении высшими учебными заведениями, предполагавшего расширение их автономии и самоуправления, открытие новых вузов и научных учреждений, упорядочение финансирования научных исследований и др. Ученые ратовали за создание системы государственных исследовательских институтов и расширение числа академий как исторически оправдавшей себя в России формы взаимоотношений науки и государства и предлагали создавать академии в Грузии, в Сибири, на Украине, открывать новые университеты на Урале, на Дону, в Поволжье, в Средней Азии, реорганизовывать уже существовавшие путем открытия факультетов по прикладным специальностям. Рассматривались также вопросы штатов в научных учреждениях и обществах, обеспечения потребностей в их комплектовании и размещении, оказания помощи отдельным ученым. Для младших научных сотрудников предполагалось создать материальные условия, благоприятные для их научной и преподавательской деятельности, а также улучшить оплату преподавателям университетов.

15 апреля 1917 г. С.Ф. Ольденбург сообщил Общему собранию РАН, что МНП считает целесообразным вместе с РАН как с «первенствующим ученым учреждением в государстве» провести съезд представителей всех ученых учреждений и научных обществ России и предлагает РАН созвать такой съезд [Протоколы... б/г: 112]. Предложение было принято с условием, что на съезде сама РАН будет представлена в полном составе, а в Комиссию по его созыву были избраны: В.В. Бартольд, И.П. Бородин, В.В. Заленский, Е.О. Карский, А.С. Лаппо-Данилевский и А.А. Шахматов. Позднее, 24 мая, товарищ министра народного просвещения Д.Д. Grimm обратился к университетам и высшим учебным заведениям всех ведомств выделить представителей для обсуждения вопросов их управления, постановки в них учебной части и т. д. К обсуждению приглашалась и РАН, которая делегировала А.С. Лаппо-Данилевского. Планируемые совещания состоялись. 7–10 июня в Москве проходил Всероссийский академический съезд, 12–16 июня в Петрограде — Совещание представителей выс-

ших учебных заведений России, посвященное реформированию и примирению различных общественно-политических течений в них и уравниванию в правах всего профессорско-преподавательского корпуса. От РАН в нем участвовали также академики В.В. Бартольд, В.И. Вернадский, С.Ф. Ольденбург. По воспоминаниям М.М. Новикова, принятые законодательные новшества были без проволочки проведены через «правительственные инстанции и живительным потоком влились в академический обиход», сплотив профессорско-преподавательский корпус и обеспечив его доверительные отношения со студентами в течение всех лет Гражданской войны [Новиков 1927: 373].

Этот оптимистичный вывод, разделяют многие современные историки, но он явно нуждается в уточнении. Ведь основная масса студентов была настроена антимилитаристически, в то время как профессуры придерживались позиции «надклассового патриотизма» [Ростовцев 2017: 319–320]. К тому же профессура оказалась не готовой обсуждать на равных с доцентами и ассистентами дела университета и факультетов. Заседания Советов вузов и факультетов остались закрытыми для студенчества. Вместо этого рекомендовалось создавать некие совещательные комиссии, включающие студентов и представителей профессорско-преподавательского состава. Однако и это ни к чему не обязывающее решение в большинстве вузов было проигнорировано, и студентов, которые сыграли видную роль в революции, по-прежнему собирались привлекать лишь к решению вопросов о распределении пособий, стипендий и т. д. Профессура возражала и против чрезмерной демократизации приёма в университеты, в частности против допуска к занятиям выпускников технических училищ, а от окончивших женские гимназии требовали сдачи экзаменов в мужской гимназии по латинскому, русскому и иностранным языкам, математике и физике. И речь шла отнюдь не об осторожности профессорского корпуса, включая членов РАН, как полагают современные историки университетского образования, а о его консервативности и нежелании встретиться в аудиториях с незнакомым поколением студентов, отдающим приоритет более актуальным проблемам естествознания и живым языкам, чем зубрёжке латыни как прежнему символу учёности.

В соответствии с постановлением «Об изменении некоторых узаконений, касающихся состава собраний факультетов и Совета российских государственных университетов, опубликованным 24 июня 1917 г., в органы управления учебными заведениями избирались не только профессора, но и доценты, прозекторы, ассистенты. Однако три последние категории в Советах университетов имели лишь совещательный голос, а доценты решающий — на факультетском уровне. О допуске студентов к обсуждению вопросов внутриуниверситетской жизни не упоминалось. В тот же день вышло постановление Временного правительства, практически лишавшее студентов всяких прав на участие во внутриуниверситетской жизни. Совет университета мог ходатайствовать о прекращении учебных занятий в случае возникновения волнений, а студентам было запрещено создавать организации и проводить собрания без разрешения университетского руководства. Всё это вызывало недовольство студентов, посчитавших себя обманутыми преподавательским корпусом. Не удовлетворены были и притязания на равноправие младших преподавателей, что создавало в целом неустойчивую конфигурацию в вузах. Потенциально студенты могли объединиться с приват-доцентами и ассистентами для борьбы против консерватизма профессуры и диктата руководства. В любом случае демократическая реформа Временного правительства не только не привлекла на свою сторону студенчество, но скорее способствовала его дальнейшей радикализации, хотя и решала «вечные вопросы» российского высшего образования — «еврейский» и «женский».

В результате важные для высшей школы постановления не дали требуемого эффекта на фоне разразившихся в Петрограде в июле 1917 г. событий. Из-за своей половинчатости они обострили социальные противоречия в университете, разведя по разным сторонам три основ-

ные социальные группы: студенчество, жаждавшее нового устава, в котором было бы признано их право на участие в управлении вузов; неудовлетворенный младший преподавательский корпус, претендовавший также на участие в управлении и независимость от профессуры; консервативную профессуру, страдавшую от ухудшения своего финансового положения, но не готовую поступиться своими исключительными правами и привилегиями. Все жаждали свободы, но как всегда только для себя. В итоге проведенная реформа не только не решила, а резко обострила проблемы высшей школы, которая ранее выглядела более или менее единой в противостоянии с царским правительством.

Реформа не столько разрешила, сколько обострила противоречия в высшей школе, которая выглядела более единой при прежнем режиме. Не производились выплаты так называемых плехановских надбавок младшим служащим РАН и университетов, которые должны были выплачиваться с 1 апреля 1917 г., когда В.Г. Плеханов вернулся в Россию. Непродуманная популистская мера привела к недовольству наиболее активной части научной интеллигенции, к волнениям и забастовкам, так как обещанные прибавки «можно было получить только путем угроз! Этим самым организуют людей и вносят беспорядок» [Вернадский 1994: 22].

Под руководством А.А. Шахматова к середине мая 1917 г. была завершена работа по реформе русского правописания, и согласованные предложения были представлены на утверждение Общего собрания. Осторожные академики постановили «**иметь суждение осенью**», но предложения были переданы в МНП [Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 1. Оп. 1а–1917. Д. 164. Л. 94–96об], где необходимую научную работу по реформе русского правописания посчитали завершённой. А.А. Мануйлов поддержал проект реформы и 17 мая выпустил циркуляр всем попечителям учебных округов о необходимости обучать по новой орфографии. Вскоре Мануйлов ушёл в отставку, и правила стали обязательными уже после прихода к власти большевиков.

В.И. Вернадский с 18 июня 1917 г. возглавлял реорганизованный Сельскохозяйственный ученый комитет Министерства земледелия, пытаясь вместе с И.П. Бородиным, П.И. Броуновым, Д.Н. Прянишниковым, К.А. Тимирязевым, И.А. Стебутом найти организационные пути для внедрения науки в сельское хозяйство.

От реорганизации науки к ее эвакуации: разочарование и поиски выхода

Ход революции, поляризация политических сил, повеление масс, а вслед за ними и правительства похоронили академические проекты. Никто не собирался слушать ученых. Революция опять обернулась не прекрасной дамой, а безликой толпой, склонной к пьянству, грабежам и насилию и занявшей позицию «левее здравого смысла». Столичная масса, впрочем, как и провинциальные обыватели, по мнению В.А. Стеклова, совершенно «**рассудок утратила... такого шута и мелочь, как Керенский, возвела чуть ли не в национального героя...**» [Стеклов 1991: 284]. Резко в адрес А.Ф. Керенского высказывался И.П. Павлов, именуя его «паршивым адвокатишкой» и «соплей во главе государства», которая погубит всё [Орбели 1966: 83–84]. Начиналась рефлексия по поводу несбывшихся надежд. Уже в конце мая И.П. Бородин пишет: «Слишком мало подготовлен народ, понимающий свободу только как анархию и возможность никому не подчиняться» [Манойленко 2005: 183]. В.А. Стеклов резко критиковал кадетов, которые упустили возможности взять власть, «но чего можно было ждать от этих слюнявых книжников и фарисеев» [Стеклов 1991: 283]. 15 мая 1917 г. при выборах вице-президента РАН Общее собрание поддержало консерватора И.П. Бородина, идентифицировавшего себя с партией «„И-И“ (испуганных интеллигентов)» [Манойленко 2005: 183]. Он получил 22 голоса, в то время как его конкуренты-кадеты: А.С. Лаппо-Дани-

левский — три, В.И. Вернадский — один [Протоколы... б/г: 212]. Поддержку коллег И.П. Бородин считал «лестной», но сознавал, что наука не нужна и «положение интеллигенции теперь вообще самое печальное. Но еще печальнее положение несчастной России» [Манойленко 2005: 184].

Надвигающуюся катастрофу к началу лета осознавали уже либералы-академики. «В общем, здесь нехорошо. Мы быстро идем к какой-то катастрофе», — писал В.И. Вернадский 9 июня 1917 г. своему ученику А.Е. Ферсману [Письма... 1985: 80]. Предчувствие не обмануло опытного политика. После провала июньского наступления и расстрела июльского восстания в Петрограде разразился правительственный кризис. В результате длительных дискуссий руководство партии кадетов, не приняв соглашения с Центральной радой о федерализме с Россией, призвало своих сторонников покинуть коалиционное правительство. Среди них был и А.А. Мануйлов. 7 июля 1917 г. ушёл Г.Е. Львов, многолетний соратник В.И. Вернадского, С.Ф. Ольденбурга, П.Б. Струве и др. учёных-кадетов. Новое коалиционное правительство возглавил военный и морской министр А.Ф. Керенский, что само по себе вызвало отрицательную реакцию в научном сообществе.

Многие академики восприняли уход кадетов из правительства как оправданный акт, обусловленный невозможностью мириться с признанием поражения страны, началом ее распада и готовностью пойти на сепаратный мир. Начавшийся распад единого русскоязычного научного пространства, инициированный Центральной радой во главе с кадетом-историком М.С. Грушевским, произвёл особо гнетущее впечатление на А.А. Шахматова. 19 июля 1917 г. он пишет академику В.М. Истрину: «Россия пропала, — это ясно. Совершенно не вижу выхода и возможности спасения» [Жуков 2015: 144].

Расстрел июльской демонстрации и подавление корниловского мятежа академики восприняли как начало гражданской войны, и начался поиск альтернатив демократии и либерализму в духе веховских настроений. По инициативе академика П.Б. Струве в мае была создана Лига русской культуры, объединившая монархистов, националистов-славянофилов, октябристов и кадетов для борьбы с «антигосударственной стихией» и «бесовской трагедией национально-государственного отступничества». В неё вошли академики И.П. Бородин, М.А. Дьяконов, Е.Ф. Карский, Н.П. Кондаков, Н.А. Котляревский, А.С. Лаппо-Данилевский, В.В. Латышев, А.В. Никитский, С.Ф. Ольденбург, М.И. Ростовцев, ратующие в научном творчестве за глубокие национальные чувства, чтобы избежать «духовного распада и нравственного одичания» населения. Оставалось непонятным, как это согласовать с ценностями единой мировой науки.

Ученые испытывали тоску «без просвета впереди». О степени их отчаяния свидетельствуют намерения С.Ф. Ольденбурга идти на фронт солдатом [Каганович 2006: 70]. От этого отговорил его А.Ф. Керенский, предложив пост министра народного просвещения. Со студенческой скамьи С.Ф. Ольденбург и В.И. Вернадский рассматривали проблему развития науки и высшего образования как единую задачу, которая может решаться лишь при активном содействии со стороны государства. Вот почему С.Ф. Ольденбург 26 июля 1917 г. согласился стать министром просвещения во Временном правительстве, а его заместитель В.И. Вернадский возглавил Отдел высшей школы и организации научных учреждений. При их активном участии была подготовлена программная записка о создании университетов, обладавших правом открывать факультеты и отделения по прикладным наукам. В ней подчеркивалось, что по количеству студентов на десять тысяч населения Россия занимает последнее место среди ведущих государств Европы. Следствием этого является острый недостаток лиц с высшим образованием, что мешает экономическому и культурному развитию страны. Им удалось учредить первый научно-исследовательский институт в составе РАН — Кавказский историко-научный институт, возглавляемый Н.Я. Марром, а также Институт прикладной хи-

мии и Институт чистых химических реактивов во главе с В.Н. Ипатьевым, начать процедуру перевода частного Института истории искусств В.П. Зубова в РАН. С января 1918 г. предполагалось открытие других институтов.

На посту министра С.Ф. Ольденбург пробыл чуть больше месяца, а затем вновь сосредоточился на решении повседневных дел Академии, на которых всё сильнее сказывался развал в государстве. Возникали трудности с финансированием учреждений, с печатанием трудов, с охраной архивов, частных собраний книг, с подготовкой к эвакуации музейных коллекций, библиотеки, научных приборов. С начала сентября эти вопросы заняли центральное место в заседаниях Общего собрания и отделений. Возвышенные планы, авторы которых в марте-апреле грезили о демократической и процветающей России, уступили место прозе повседневных изматывавших дел, поскольку события шли в далеком от оптимистических ожиданий направлении. В связи с угрозой сдачи столицы немцам и трудностями с продовольствием академики стали покидать город. Те, кто был связан с оборонной промышленностью, ехали в Москву, остальные, надеясь пережить смутное время, перебирались в провинциальные города. Многие убедились, что автономия и демократия без денег ничего не дают для развития науки.

Приходило осознание необходимости быстреего замирения с Германией «без аннексий и контрибуций» и отказа от Константинополя и проливов. Комментируя высказывания министра иностранных дел военного министра А.И. Верховского, В.И. Вернадский 11 октября 1917 г. записывает в дневнике: «М[ожет] б[ыть] правильна постановка на обсуждение вопроса о мире» [Вернадский 1994: 14]. И хотя требования мира он расценил как большевистскую пропаганду: «Всюду толки о мире — но что из себя представляет сейчас „мир“. Насколько он возможен и что значит? [Там же: 27], — тем не менее вынужден признать, что в сущности Верховский прав, так как армия драться не может, а мир необходим для того, чтобы завоевать ее на свою сторону и повернуть против большевиков.

Восприятие Октября

Тем не менее переход власти в руки большевиков многие из академиков, по словам В.И. Вернадского, восприняли как «небывалую в истории катастрофу» [Вернадский 1994: 28]. Их первой реакцией было резкое неприятие такого поворота событий. Академики одобрили С.Ф. Ольденбурга, который заявил, что не признает Военно-революционный комитет (ВРК), когда от имени последнего к нему явился приват-доцент Петроградского университета Е.Д. Поливанов. На многочисленных заседаниях, происходивших на квартирах учёных, обсуждалась идея об обращении к нации её духовных вождей или, как выражался Ольденбург, строители жизни должны выступить против ее разрушителей. Тем не менее, от каких-то официальных заявлений и действий и Общее собрание РАН воздерживалось долго.

Состоявшееся 4 ноября 1917 г. Общее собрание РАН проходило как обычно. На нём присутствовали чуть больше половины академиков — 23 из 42; 15 были представителями гуманитарных наук. Как на первом заседании после Февральской революции, 4 марта, никто не поднял вопрос о происходящих событиях, хотя к тому времени в Москве и Петрограде прошли ожесточенные бои, погибли тысячи юнкеров. Рутинно рассматривали и принимали к сведению распоряжения министров и комиссаров Временного правительства о порядке эвакуации, о составлении списков российских ученых, оказавшихся в австрийском плену, о введении нового стиля, о предстоящих юбилеях ученых учреждений и высших учебных заведений, о распределении премий и т. д. [Протоколы... б/г: 276–285]. Из 27 пунктов насыщенной повестки ни разу не был поднят вопрос о происшедшей смене власти. Многие полагали, что

Учредительное собрание, выборы в которое большевики обещали провести, все расставит по своим местам.

Большинству ученых захват власти левыми радикалами казался авантюрой; они даже не представляли в первые дни, насколько это «всерьёз и надолго». Временное правительство было свергнуто при всеобщем к нему отвращении. Циркулировали слухи, что некоторых главных большевиков массы чуть ли не силой заставили войти в правительство. В их числе называли Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, А.И. Рыкова. Но вскоре стало ясно, что победители отнюдь не беспомощны. Беспощадно расстреливая пьяных и мародеров, уничтожая склады водки и вина и обеспечив подвоз хлеба, они добились того, что «октябрьские события вначале не сопровождались в городе какими-либо чрезвычайными бесчинствами, грабежами и убийствами» [Изгоев 1923: 38]. В то же время расстрелы захваченных на месте преступления дали либерально-демократической интеллигенции повод говорить о том, что власть попала в руки авантюристов, соединивших «в себе утопистов по теории и бандитов по действиям».

Более двух недель РАН вела себя так, как будто ничего не произошло, выполняя прежние распоряжения Временного правительства и Малого совета министров, в который входил В.И. Вернадский. Но и он, наблюдая «безумные процессии победивших большевиков» [Вернадский 1994: 30], с горечью признавал, что «в сущности, массы за большевиков» [Там же: 29]. Причины происшедших событий, когда «ярко проявился анархизм русской народной массы и еврейских вождей» [Там же: 32], Вернадский видел в тысячелетнем разобщении правящих кругов и народа, в существовании розни «между интеллигенцией и народом» [Там же: 41]. И.П. Павлов и В.И. Стеклов возлагали вину за происходящее в первую очередь на интеллигенцию, тогда как академики Н.И. Андрусов, В.И. Вернадский, А.А. Шахматов, С.Ф. Ольденбург как раз ее пытались мобилизовать на противостояние большевикам до созыва Учредительного собрания.

8 ноября 1917 г. делегация профессоров, в которую входили С.Ф. Ольденбург и А.А. Шахматов, требовавшая освободить арестованных министров Временного правительства, была принята на вечернем заседании ВРК. Им было разрешено посетить министерско-кадетов в Петропавловской крепости. Ученые использовали легальные пути давления: принятие резолюций, коллективные заявления в печати о непризнании новой власти, письма-протесты. Центральный комитет кадетов стал центром сопротивления, предостерегая ученых от контактов с руководителями Наркомпроса А.В. Луначарским и М.Н. Покровским. В сопротивлении активно участвовали Н.И. Андрусов, В.И. Вернадский, А.А. Шахматов, А.Е. Ферсман и др. 16 ноября 1917 г. в либеральных и социалистических газетах появилось обращение Малого совета министров к гражданам с призывом защитить Учредительное собрание. В ответ ВРК отдал приказ об аресте подписантов.

В тот же день С.Ф. Ольденбург опубликовал в газете «Русские ведомости» призыв к узурпаторам перестать «быть тюремщиками невинных людей...», а к гражданам России — не позволять «дальнейшего глумления большевиков над свободой невинных людей» [Заключенные... 1917: 3]. Он полагал, что все русские граждане должны с подобными требованиями обратиться к властям. Комментируя это обращение, безымянный автор писал: «Нельзя позволить дальнейшего глумления большевиков над свободой невинных людей. Надо, чтобы не знающие границ лицемерие и лживость Троцких и Лениных в этом вопросе наткнулись на непреодолимое препятствие общественного мнения, требующего освобождения тех, за кем, как справедливо пишет С.Ф. Ольденбург, и сами насильники не знают никакой вины и в ком видят только своих политических противников»

Но Петроград на выборах поддержал большевиков, отдав им 45 % голосов, а кадетам — 27 %, и многим академикам стало ясно: «не долго» будет и Учредительное собрание

«разогнать» [Манойленко 2005: 185]. Опасаясь ареста, В.И. Вернадский перешел на нелегальное положение и уехал на Украину, где отошел от политики, занявшись научно-организационными делами [Вернадский 1994: 47–52]. 18 ноября 1917 г., т. е. спустя более трех недель после захвата большевиками власти, состоялось экстраординарное заседание Общего собрания РАН, на котором А.П. Карпинский заявил, что, по мнению части академиков, происходящие события «угрожают гибелью стране и необходимо, чтобы Российская Академия наук не молчала» [Протоколы... б/г: 288]. Против обращения к интеллигенции резко выступил В.А. Стеклов, которого поддержал И.П. Бородин [Стеклов 1991: 287]. Обозначился раскол в академическом корпусе по профессиональному признаку: к сотрудничеству с большевиками были готовы математики и естественники, тогда как гуманитарии в основном выступали против. Но славист А.И. Соболевский в пику либералам, погубившим Россию, голосовал на выборах в Учредительное собрание за список большевиков.

Через три дня состоялось следующее экстраординарное Общее собрание РАН, на котором присутствовали половина списочного состава — 22 из 44 академиков. А.С. Лаппо-Данилевский зачитал обращение к ученым Петрограда. В нем говорилось: «...русский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства; ...и ценою постыдного и непрочного сепаратного мира готов изменить союзникам и предать себя в руки врагов» [Там же: 300]. Взывая к национальной гордости россиян, руководство РАН еще не понимало настроение масс, хотя под угрозой была уже сама РАН, и ее сохранение становилось предметом торга с большевиками. В тот день, когда было принято это обращение, комиссаром РАН был назначен И.В. Егоров. Он не посягал на автономию РАН и старался даже помочь академикам. Так было в случае с А.А. Шахматовым, которого наряжали на ночные дежурства в качестве подсобного рабочего, а сторожа поговаривали, что «надо бы попросту передуть или перерезать лодырей-ученых, „разных академиков и профессоров“: только зря хлеб переводят, не работая» [Гаврилова, Петров 2014:232].

Назначением Егорова власть, с одной стороны, подавала РАН знак доброй воли, ограждая ученых от ежедневных столкновений с радикалами, а с другой — демонстрировала, что пора бы им озаботиться и сохранением РАН, и личным выживанием, так что игнорировать знаки властей было неразумно. 22 декабря на очередном экстраординарном Общем собрании РАН с беспокойством было воспринято сообщение президента о затруднениях при получении денег в Казначействе [Там же: 288]. В итоге резкое по тону заявление РАН от 21 ноября 1917 г. практически осталось единственным коллективным выступлением самой академической корпорации против нового строя. В дальнейшем РАН не только избегала открытой конфронтации с властями, но и всячески демонстрировала готовность к диалогу и сотрудничеству

Финансово-экономическое принуждение срабатывало сильнее, чем политическое давление. Деньги становились решающим фактором, подталкивавшим ученых к диалогу с властями. К этому принуждал и приближавшийся голод. Вспомнился и образ науки, служащей народу и человечеству, но не вовлеченной в политику. Отвергая идеологию и практику большевиков, все большее число академиков склонялись к сотрудничеству с ними, при условии, что те не станут вмешиваться в науку. Ученые были готовы «бросить раз навсегда нелепые разговоры о протестах и спокойно продолжать деловую ученую работу» [Стеклов 1991: 287].

Первыми такую позицию заняли академики, по долгу службы связанные с решением практических задач. Оставаясь монархистом, генерал В.Н. Ипатьев продолжал служить новой власти, лишь сменив мундир на гимнастерку, и не участвовал в забастовках, осознавая, что возглавляемый им Химический комитет работает исключительно ради государства [Pratieff 1946]. В.Н. Ипатьев уже в ноябре 1917 г. возглавил Комиссию новых производств

при Отделе химической промышленности Высшего совета народного хозяйства (ВСХН), а позднее вошел в состав Госплана и Президиума ВСХН.

Аналогичными соображениями руководствовались А.П. Карпинский, А.А. Белопольский, И.П. Бородин, А.Н. Крылов, Н.С. Курнаков, П.П. Лазарев, В.А. Стеклов, Е.С. Фёдоров и др. Вскоре к ним присоединились гуманитарии А.М. Дьяконов, А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Ольденбург, А.А. Шахматов, ища компромисс между своими общественно-политическими ценностями, представлениями о долге и большевистской трактовкой национальных интересов. Такая позиция оказалась неприемлемой для П.Б. Струве, который выбрал путь открытой борьбы с большевиками. 26 декабря 1917 г. он отправился на Дон, где формировалась Добровольческая армия.

Остальные, не пожелавшие оставаться в красном Петрограде, эмигрировали или уезжали в районы, неподвластные большевикам. Уже к концу 1917 г. столицу покинули В.И. Вернадский, П.Г. Виноградов, В.В. Заленский, В.М. Истрин, Н.П. Кондаков, А.М. Ляпунов, А.А. Марков, В.И. Палладин. В качестве причины отъезда указывали чаще всего отпуск, состояние здоровья, необходимость командировки, как правило, бессрочной, для продолжения исследований, особенно экспедиционных [Еремеева 2017: 58–78]. Как писал Н.И. Андрусов В.И. Вернадскому в начале 1918 г. из столицы: «Академиком тут теперь ровно половина» [Там же: 61]. В начале марта 1918 г. у гроба художника Н.Н. Дубовского И.П. Павлов сказал: «Я завидую тебе. Ты более не видишь нашими слабыми, земными глазами всё растущего раздиранья и опозорения Родины» [Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 259. Оп. 1а. Д. 1.Л. 1]. В провинции было не лучше. В письме от 7 марта 1918 г. почетного члена РАН К.А. Поссе Н.С. Таганцеву из Хвалынска Саратовской губернии содержится летописный плач, не звучавший в России со времен нашествия Батыя: «**Воистину счастливы те, кого больше нет на свете, но счастье мертвецов не облегчает живых, не знающих, какие ужасы еще придется им переживать**» [Из Хвалынска... 1992: 390]. И.П. Бородин, проклиная год, погубивший Россию, солдаты которой не желали воевать с немцами, но охотно ввязались в гражданскую войну, считал отныне единственно верным решение: «**О политике лучше ничего не писать**» [Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 125. Оп. 1. Д. 65. Л. 39].

Беспокойство о будущем РАН — лейтмотив речи С.Ф. Ольденбурга на Годичном собрании РАН 29 декабря 1917 г. Отметив, что «Россия стала на край гибели», Ольденбург подчеркивал, что без ученых невозможно «никакое достойное человеческое существование» [Отчет... 1917: 5]. Но в ответ ученые слышали призывы уничтожить академию — пережиток старого строя [О реформе... 1918: 20]. Участь Парижской академии наук, ликвидированной во время Великой Французской революции и потерявшей половину своих членов на гильотине, была известна руководителям РАН. Они осознавали, что академия может не уцелеть.

Заключение

Калейдоскопические изменения политического ландшафта и правительств, а также неоднородность самого академического корпуса требовали от лидеров РАН осторожности в проведении решений через Общие собрания Академии (в 1917 г. их было 17, из них восемь экстраординарных), с целью консолидации, выработки общей позиции и использования политической конъюнктуры сначала для лоббирования интересов РАН, а затем и для ее выживания. Достижение этих целей потребовало отказа от многих убеждений и ценностей. Выбранная лидерами Академии наук стратегия сотрудничества с меняющимися правительствами позволила сохранить РАН как относительно автономную и самоуправляемую корпора-

цию и даже приступить к реализации планов по институционализации науки и высшего образования. Это вело к дифференциации академического корпуса, сокращению числа академиков, участвовавших в ее деятельности и присутствовавших на заседаниях Общего собрания, а в конечном счете к отъезду многих из них в провинцию или на территории, неподвластные центральному правительству. Немногие оставшиеся в Петрограде обеспечили преемственность в деятельности РАН.

1917 г. был полон надежд и разочарований, смелых начинаний и компромиссов. К концу года были сделаны первые шаги к «укрощению строптивой» Академии, завершившиеся через несколько лет «союзом науки и труда», своеобразным симбиозом науки с властью, в котором первоначально не столько ученые выполняли установки власти, сколько власть реализовывала их планы. Несмотря на турбулентность революционных событий, принявших быстро форму грандиозных социально-политических и экономических катаклизмов, Академия наук смогла сохранить свое место в государстве. Революционной власти от академического сообщества, были необходимы, прежде всего, лояльность и квалифицированная экспертиза. В свою очередь ученые ждали от них увеличения финансирования, поддержки собственных планов, уважительного отношения, свободы научного творчества, демократизации науки. Основой для сотрудничества служил их общее понимание науки как главного инструмента глобальных преобразований общества. Прометеевская вера в науку была характерна для большей части революционных партий: от кадетов до левых эсеров.

К концу года турбулентных завихрений Академия осознала, сколь недалековидно втягиваться в политическое противостояние с советской властью. Академики не пошли на длительную конфронтацию с ней и стали выстраивать свои приоритеты в соответствии с интересами нового правительства. В ущерб профессиональным интересам они брались разрабатывать проекты, призванные сохранить и упрочить положение науки в новых условиях. Часть членов академии с энтузиазмом включалась в работу правительственных ведомств, надеясь с их помощью реализовать собственные планы и научные замыслы. Сотрудничество с правительством, первоначально воспринимавшимся как «банда насильников», оправдывалось национальными интересами и необходимостью сохранить отечественную науку. Лидеры РАН убеждали менявшиеся власти, что необходимо обеспечить преемственность в развитии науки и в подведении «прочного научного фундамента» под проводимую экономическую и социальную политику. В конечном счете, им удалось наладить диалог с властью. Но это была уже не фрондирующая ИАН. В 1917 г. академики внесли в организацию науки только те изменения, которые требовала сама жизнь, сохранив Академию наук как бесценный «дар нашей прошлой истории» и существенно расширив сеть научных учреждений и масштаб проводимых исследований.

Однако остается неясным, насколько выгода подобного симбиоза соизмерима с издержками уже тех дней, обусловленными углубляющимся расколом среди академиков, началом их миграций, резким ухудшением условий исследований, распадом единого русскоязычного научного пространства. Предстоит еще выяснить, что эти изменения значили для Академии наук, как они изменили место науки в обществе и сказались на её последующей истории, так как выводы предшествующих исследований нередко определялись идеолого-политическими соображениями разного толка.

На сегодня можно сказать главное. Академическому сообществу удалось выжить в дни революционного хаоса, продвигая во властных структурах корпоративные интересы и дореволюционные планы по институционализации, автономизации и демократизации науки и высшего образования. Их опыт совсем не учтен при сегодняшних реформ РАН, где власть навязала свою модель реорганизации науки, в результате которой российская наука стремительно маргинализуется, перемещаясь уже в третий десяток стран по многим биометриче-

ским показателям. Для понимания современных просчетов важно реконструировать восприятие революционных событий Академией наук как целостной корпорацией, а также ее руководителями и отдельными академиками.

- Академик В.В. Заленский. 1918. — *Крымский вестник*. — № 128 (9410). — 11 октября.
- Аксёнов Г. 2010. *Вернадский*. — М.
- Басаргина Е.Ю. 2008. *Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков. Очерки истории*. — М.
- Бастракова М.С. 1973. *Становление советской системы организации науки. 1917–1922*. — М.
- Вернадский В.И. 1994. *Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 – январь 1920*. — Киев.
- Гаврилова О.А., Петров В.В. 2014. «Надо уделить первостепенное внимание изучению прошлого университета...». — *Новейшая история России*. — № 2.
- Деникин А.И. 1990. Очерки русской смуты. — *Вопросы истории*. — № 10.
- Есаков В.Д. 1994. От Императорской к Российской: Академия наук в 1917 году. — *Отечественная история*. — № 6.
- Еремеева А.Н. 2017. «Находясь по условиям времени в провинции...»: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. — Краснодар.
- Заключенные и свободные министры. 1917. — *Русские ведомости*. — № 251. 16 (29) ноября.
- Жуков А.Е. 2015. А.А. Шахматов и В.М. Истомин. — *Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие*. — СПб.
- Из Хвалынска в Петроград. 1992. Письма К.А. Поссе к Н.С. Таганцеву и В.А. Стеклову (1917–1918). — *Звенья. Исторический альманах*. — Вып. 2. — М.; СПб.
- Извлечение из протоколов заседаний Академии наук. Общее собрание. Экстраординарное IV заседание, 24 марта 1917 г. 1917. — *Известия Академии наук. 1917*. — № 11.
- Изгоев А.С. 1923. Пять лет в Советской России (Обрывки воспоминаний и заметки) — *Архив русской революции*. — Т. 10. — Берлин.
- Каганович Б.С. 2006. *Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии*. — СПб.
- Князев Г.А. 1991. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915–1922 гг. — *Русское прошлое: Историко-документальный альманах*. — Кн. 2. — СПб.
- Колчинский Э.И. 2003. Борьба за выживание: Академия наук и Гражданская война. — *Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках*. — СПб.
- Летопись РАН*. 2007. Т. IV. — СПб.
- Ломоносов Ю.В. 1921. *Воспоминания о мартовской революции 1917 г.* — Стокгольм; Берлин.
- Манойленко К.В. 2005. *Иван Парфеньевич Бородин*. — СПб.
- Новиков М.М. 1927/28. Временное правительство и высшая школа. — *Российская школа за рубежом (Прага)*. — Кн. 27.
- О реформе деятельности ученых учреждений и школ высших ступеней в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике. 1918. — *Вестник народного просвещения Союза коммун Северной области*. — № 6–8.
- Орбели Л.А. 1966. *Воспоминания*. — М.; Л.
- Отчёт о деятельности Российской Академии наук по отделениям Физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1917 год, составленный непременно секретарем*

тарем академиком С.Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1917 года. 1917. — Пг.

Павлов И.П. 1951. *Полное собрание сочинений*. — Т. 1. — М.; Л.

Петрова М.К. 2004. *И.П. Павлов — первый Нобелевский лауреат России. Т. 2. Павлов без ретуши. Мемуары С.В. Павловой, А.Ф. Павлова, М.К. Петровой*. — СПб.

Письма В.И. Вернадского А.Е. Ферсману. 1897–1944. 1985. — М.

Приложение к протоколу V... 1917. *Приложение к протоколу V Экстраординарного заседания ОС АН. 29 марта 1917 г.* (к § 117). — С. 109–110.

Протоколы... б/г. *Протоколы заседаний Общего собрания Императорской Академии наук за 1917 г.* (печатано как рукопись). — *Библиотека РАН при СПбФ ИИЕТ РАН*.

Ростовцев Е.А. 2017. *Столичный университет Российской империи: учёное сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX вв.)*. — М.

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН).

Соболев В.С. 2012. *Нести священное бремя... Российская академия наук. Национальное культурное и научное наследие. 1880–1930 гг.* — СПб.

Стеклов В.А. 1991. *Переписка с отечественными математиками. Воспоминания*. — СПб.

Хроника. В учебных заведениях. 2017. — *Новое время*. — № 14721. 8 марта.

Ipatieff V.N. 1946. *The Life of a Chemist*. — Stanford; London.

Kolchinsky E.I. 2016. *World War I and Transformation of the Imperial Academy of Sciences. — Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22. Book 2: The Experience of War and Revolution*. — Bloomington.